

УДК 94(47)"1904/20"
ББК 63.3(2)6
В81

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Фотография на обложке © РИА Новости
предоставлена ФГУП МИА «Россия сегодня»

Врангель, Петр Николаевич.

В81 Очерки Русско-японской войны. 1904 г. Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. / П.Н. Врангель. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. — 752 с. — (Вся история в одном томе).

ISBN 978-5-17-154583-3

Петр Николаевич Врангель — великий русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Современники называли его «черный барон» и «последний рыцарь Российской империи». Петр Врангель по праву считается легендарным военачальником: даже осознавая неблагоприятное развитие событий для него и его армии, он не перешел на сторону противника и сделал все для спасения людей, которые были верны ему.

В книгу вошли мемуары Петра Врангеля: «Очерки Русско-японской войны. 1904 г.» и «Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.», в которых рассказывается о революции и Гражданской войне. Эти тексты расскажут о жизни уникальной сильной личности — «черного барона» — и драматических событиях истории России — исхода Русской армии за рубеж. Также в издание включены приложения: Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о земле (приложение к главе III книге второй «Записок»), Послужной список Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона Врангеля (составлен 29 декабря 1921 года), Список членов Правительства Юга России, Приказ генерала П.Н. Врангеля № 1, Последний приказ генерала П.Н. Врангеля № 86, переписка и письменные свидетельства по поводу издания «Записок» и изречения П.Н. Врангеля.

УДК 94(47)"1904/20"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-17-154583-3

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

ОЧЕРКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 г.

В ПЕРЕДОВОМ ЛЕТУЧЕМ ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА РЕННЕНКАМПФА

В настоящих очерках я не имею в виду дать подробное описание действий передового отряда генерала Ренненкампфа и входить в оценку этих действий. Я просто желал бы в ряде эскизов набросать нашу повседневную жизнь в этот период кампании, период крайне интересный, полный разнообразных сильных ощущений, постоянных тревог, опасностей и лишений. Славное имя генерала Ренненкампфа, приобретенная им еще в китайскую кампанию популярность как лихого кавалерийского начальника, знакомство его, еще в прошлую кампанию, с театром наших будущих военных действий — все это, вместе взятое, заставляло большинство кавалерийских офицеров, мечтавших попасть в действующую армию, стремиться во 2-ю Забайкальскую казачью дивизию, которая поручалась генералу Ренненкампфу. Эта дивизия формировалась из льготных казаков второй очереди, из которых многие еще недавно прошли китайскую кампанию в той же местности, где приходилось действовать и нам, знали местные условия, обычаи и характер местного китайского населения, а некоторые из казаков — и китайский язык.

В отношении офицерского состава дивизия комплектовалась отчасти офицерами первоочередных забайкальских казачьих полков, главным же образом — офицерами-добровольцами из драгунских и гвардейских кавалерийских полков. Наши опасения недружелюбного отношения местных офицеров-казаков к нам как пришлому элементу вскоре совершенно разъяснились, и, несмотря на разнообразный офицерский состав, во все время кампании между нами существовали самые лучшие, товарищеские отношения. Эти хорошие, дружеские отношения много облегчали тяжелые минуты нашей жизни, значительно скрашивали наши невзгоды и лишения.

Материалом для составления настоящих очерков служили мне главным образом мои письма, форму которых я отчасти сохранил в этих записках как передающую, по моему мнению, наиболее живо и последовательно пережитые нами впечатления.

Я ограничился периодом действий нашего передового отряда до того момента, когда генерал Ренненкампф был ранен и сдал командование. С этой минуты наш отряд теряет ту стремительную подвижность, ту энергичную деятельность, ту активность, которая так досаждала, так изводила неприятеля, и хотя вплоть

до того момента, как к нам придадут пехоту, мы и действуем еще некоторое время самостоятельно как передовой летучий кавалерийский отряд, но вся наша деятельность сводится к пассивному наблюдению за неприятелем. Нет больше огромных, тяжелых переходов, лихих набегов, рекогносцировок, стычек и тревог, жизнь наша протекает на заставах и наблюдательных постах вяло, скучно и однообразно...

Затем наступает период больших боев, где сталкиваются уже не сотни, не тысячи, а десятки и сотни тысяч человеческих жизней, где цена отдельной жизни, перед ужасом всего совершающегося, почти теряет значение, где личные, мелкие интересы блекнут перед грозной мощью мировых событий. К этому периоду наш летучий передовой отряд перестает существовать как самостоятельная кавалерийская единица, и 2-я Забайкальская казачья дивизия входит в состав вверенного генералу Ренненкампу отряда из трех родов оружия.

I

2 апреля наш эшелон — 5-я сотня 2-го Аргунского казачьего полка — подходил к городу Лаояну. После формирования полка в городе Нерчинске мы походным порядком, колоннами по две сотни, были направлены на станцию Маньчжурия, куда последняя колонна — наша, 5-я, и 6-я сотни — и прибыла 26 марта после четырнадцатидневного похода.

Шли переходами от 25 до 70 верст (на пути были две дневки) при прекрасной теплой погоде, большею частью холмистой, степной местностью, мало населенной казаками и иногородцами-бурятами, ведущими кочевой образ жизни и занимающимися исключительно коневодством. На пути нам попадались их войлочные кибитки с бродящими поблизости верблюдами и большими, по 100–150 голов, табунами коней.

Монгольские кони хотя и мелкорослые, большею частью не выше 1 аршина 12–13 вершков, но в высшей степени крепкие, выносливые и прекрасных форм. Между ними встречаются превосходные иноходцы, которые особенно бурятами ценятся. Бурят-табунщик сидит на лучшей лошади табуна, так называемой укрючной, от которой требуется особая резвость и ловкость, и по указанию покупателя арканом ловит выбранную из табуна лошадь. Офицерами нашего полка были приобретены несколько монгольских коней от 75 до 150 руб. за голову.

На станции Маньчжурия мы встретили Светлый праздник, и на третий день началась посадка полка и отправка эшелонами по 1¹/₂ сотни по железной дороге. Приятно было чувствовать, как с каждым поворотом колеса быстро приближаешься к Ла-

ояну, сердцу действующей армии, в которую мы все так стремились с самого объявления войны... Кроме офицеров нашей сотни с нами ехала жена одного из них, г-жа К., недавно вышедшая замуж и решившаяся не покидать мужа до последней возможности. Одета в казачий костюм, эта энергичная женщина совершила верхом на казачьем седле весь поход от Нерчинска до станции Маньчжурия и теперь следовала с нашим эшеломом. Она любезно взяла на себя роль заведующей офицерским столом, и в занимаемом ею купе оказалась масса вкусных вещей, которым мы оказывали должную честь.

По мере приближения к бассейну р. Ляохэ местность становилась богаче и типичнее. По обе стороны пути тянулась равнина, обработанная с поразительной тщательностью, с той тщательностью, на которую способен лишь китаец и которая невольно поражает нас, русских. Ввиду раннего времени года зелень лишь местами пробивалась, и свежие пятна ее особенно резко выделялись на сером фоне вспаханной земли. Мелькали китайские деревни с крытыми гаоляном или черепицей фанзами, окруженными глинобитными заборами, священные тутовые рощицы, кумирни с причудливыми коньками на гребнях крыш... Масса лысук, нисколько не боясь приближающегося поезда, плавала на многочисленных озерах, заросших по краям камышом. Изредка бросались в глаза одиноко стоящие там и сям среди полей массивные китайские гробы (китайцы не имеют обыкновения хоронить покойников), иные еще новые, цельные, другие уже почерневшие, развалившиеся, с виднеющимися внутри истлевшими костями... Эта картина смерти среди веселой, весенней природы особенно резала непривычный глаз... По тянущейся параллельно железнодорожному полотну дороге видно было оживленное движение: шли пешие китайцы в синих штанах и таких же куртках, в соломенных конусовидных шляпах; изредка проезжали мелкой рысью запряженные парой мулов цугом двухколесные разукрашенные кибитки с выглядывающими оттуда размалеванными лицами «бабушек» с затейливыми прическами и массой блестящих шпилек в волосах; иногда обгоняли мы тяжелые двухколесные арбы, запряженные коренастыми, низкорослыми, большею частью белыми «манзюками» и красивыми рослыми мулами, понукаемыми щелканьем бича и криками «и-и» погонщиков-манз, грязных, босых, загорелых, бронзовые тела которых просвечивали через многочисленные дыры синих полотняных рубах. В окрестностях Лаояна по обе стороны пути тянулись целые вереницы таких арб, большею частью конвоируемых воинскими чинами, — это доставлялся фураж и пищевые продукты в обширные склады интендантского ведомства. За-

пасы для складов подвозились и по реке Ляохэ, сплошь покрытой массой китайских джонок и шаланд... Чем ближе подъезжали мы к Лаояну, тем сильнее бился пульс действующей армии!

На платформе железнодорожной станции шумная, разношерстная толпа: офицеры разных родов оружия, сестры милосердия, корреспонденты иностранных газет, китайцы... Здесь центр лаоянской жизни, здесь сообщаются последние сведения из передовых частей, сведения большею частью преувеличенные или извращенные. В буфете шум, гам, дым и звон посуды, яблоку негде упасть... У подъезда вокзала вереница китайских рикш, здесь и вестовые с верховыми лошадьми приехавших на вокзал офицеров. В версте от станции на запасном пути видны поезда командующего и Великого князя Бориса Владимировича. Вблизи станции железной дороги расположен так называемый железнодорожный городок, ряд служебных построек, ныне занятых учреждениями штаба армии; далее, у стен собственно китайского города, ряд жалких, наскоро сколоченных лачуг, где помещаются лавки всевозможных товаров, содержимые большею частью «восточными человеками», две жалкие гостиницы и знаменитый «Chateau de fleurs», кафе-барак с интернациональными певицами.

Китайский город окружен глубоким рвом и каменными стенами с воротами. По обе стороны широкой улицы — ряд китайских лавок с досками, испещренными надписями, на разноцветных столбах, резных и позолоченных, с громадными сапогами вместо вывесок сапожных магазинов, с грудями разного товара — китайских седел, расшитых шелками и золотом курм, ковриков, сшитых из лоскутков разноцветного меха, китайские аптеки, кузницы. Масса разносчиков, точильщиков, продавцов всякой снеди на лотках, уличных парикмахеров, походный театр-панорама... На улицах пестрая, разношерстная толпа: китайские арбы, фудутунки, рикши, казенные двуколки, солдаты всех родов оружия, китайские купцы в черных шапочках и шелковых разноцветных курмах с пышными, черными косами, рабочие-манзы в синих холщовых штанах и рубахах, с закрученными косами вокруг голов и бронзовыми, загорелыми грязными лицами... Все это громко разговаривает, обгоняет друг друга, сталкивается и озабоченно стремится дальше. Яркие краски, типичная пестрая суетолака, гам, шум, возгласы разносчиков, музыка бродячих музыкантов — все это сразу охватывает вас, как только вы входите в китайский город. Глаза разбегаются, не зная, на чем остановиться, — так это ново, ярко и характерно!.. Но надо возвращаться на вокзал присутствовать при выгрузке лошадей... Сотне назначена для стоянки одна из многочисленных пригородных деревень в несколько фанз, в 2¹/₂ верстах от города.

II

Как я уже сказал, мы стоим в 3 верстах от Лаояна. Погода прекрасная, деревья зеленеют, тепло настолько, что я перебрался в палатку, где и сплю, раздеваясь совершенно и прикрываясь лишь сверх одеяла буркой. О нашем дальнейшем движении ничего неизвестно. Прошел слух, что мы пройдем здесь до выступления еще курс стрельбы, будто бы необходимый для казаков наших как людей второй очереди. Не говоря уже о том, что большинство казаков — прекрасные охотники и стрелки, но почти все это люди, прошедшие еще недавно китайскую кампанию, а потому такому замедлению нашего движения, когда, по общим отзывам, вследствие недостатка кавалерии сведения о противнике крайне скудны, нельзя не удивляться.

За время похода я успел присмотреться к казакам. По развиту, сметке, большой находчивости и инициативе казак далеко превосходит регулярного солдата. Особенно поразительна у него способность ориентироваться. Раз пройдя по какой-либо местности, казак пройдет там же без колебания в какой угодно туман, в какую угодно темную ночь. Я выразил раз мое удивление этой способности одному из бурят моей сотни. «Как идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся — смотри назад; как дорога покажется, такой она и на обратном пути казаться будет, и тогда никогда не ошибешься», — научил он меня, и много раз впоследствии я благодарил его в душе за совет. Забайкальский казак в высшей степени вынослив, никогда не падает духом, хороший товарищ и легко привязывается к своему офицеру. Он не имеет выправки и внешней дисциплины регулярного солдата, да и требовать от него их трудно, приняв во внимание прохождение им службы, но, отдав приказание, вы можете положиться на казака: он точно и обстоятельно его исполнит. Как кавалерист забайкальский казак, при настоящей его подготовке, оставляет желать много лучшего. Уход за лошадьё у него крайне небрежен, вернее, никакого ухода нет, и надо лишь удивляться выносливости и неприхотливости забайкальских коней, могущих выносить подчас крайне тяжелую службу при таких условиях.

Забайкальские лошади большею частью безвершковые, хотя и некрасивые, но удивительно крепкие и выносливые. Это, по моему мнению, прекрасный материал для строевой казачьей лошади, при условии, конечно, ее улучшения. В Забайкалье есть несколько заводов полукровных англо-забайкальских лошадей (например, завод Бакшеева станицы Заргольской), и виденные мною лошади этих заводов не оставляют желать ничего лучшего. Прилитая чистая кровь, увеличив рост забайкальской лошади до $1\frac{1}{2}$ –2 вершков и значительно увеличив ее аллюры, оставила ей

ее выносливость и неприхотливость. Крайне желательно было бы поощрение дальнейшего улучшения забайкальской лошади.

Вчера мне удалось осмотреть китайскую тюрьму и видеть китайское судопроизводство, при котором до сего времени широко применяются пытки, а сегодня я присутствовал при казни китайскими властями пяти хунхузов. Постараюсь, как умею, описать мною виденное.

В центре китайского города помещается дворец тифангуана — китайского губернатора. Это обыкновенная богатая фанза, сложенная из сырца и крытая черепицей с причудливыми коньками на гребне крыши. Обширный двор вымощен камнем, и несколько ступеней ведут к крыльцу, на котором и совершается тифангуаном разбор дел преступников, которые помещаются в тюрьме, в конце двора. Тюрьма — грязная, убогая фанза с двором, окруженным высоким частоколом; на этом дворе, грязном и донельзя зловонном, бродят или валяются прямо в грязи, в лохмотьях, с растрепанными, сбитыми в войлок косами и деревянными колодками на ногах преступники. Тут же на земле стоят чаши, ряд корыт с помоями, служащими им пищей. Нельзя себе представить что-либо более грязное и ужасно отвратительное, как эта тюрьма; долго нельзя оставаться у частокола — зловоние прямо удушающее.

В 4 часа тифангуан в шелковом одеянии и соломенной конусовидной шляпе с павлиньим пером и цветным шариком на макушке (обозначающим его чин сообразно цвету шарика: синему, красному или желтому) приступил к допросу. По обе стороны его кресла чиновники поочередно нараспев читают стоя обвинительный акт, и подсудимый, стоя на коленях, дает показания. Китайские городовые в обмотанных, на манер чалмы, на головах платках и в черных куртках с белыми, испещренными письменами кругами на груди разгоняют толпу, далеко не деликатно колотя палками по бритым головам любопытных. Тифангуан, по-видимому, находит показания обвиняемого недостаточно ясными, он отдает приказание, и два здоровых китайца растягивают несчастного на полу, садятся ему на плечи и на ноги, и третий, вооружившись бамбуковой линейкой в два пальца шириной, начинает наносить равномерные сухие удары по внешней стороне бедра несчастного. Грязная бронзовая кожа краснеет, багровеет, затем делается белой, как бумага, и наконец лопается, обращаясь в кровавый бифштекс... Тифангуан, по-видимому, остается доволен показаниями.

Другого преступника, известного хунхуза, подвергают ужасной пытке. Согнув несчастному ноги в коленях, ставят его у вертикального шеста коленями на свернутые клубком железные цепи, руки вытягивают по сторонам тела горизонтально и притя-

гибают к поперечине шеста за концы мизинцев тонкой струной. Таким образом преступник как бы распят, и весь вес его тела раскладывается на колени, поставленные на железные цепи, и на мизинцы, притянутые к поперечине. Но это не все... Между вертикальным шестом, у которого стоит пытаемый на коленях, и его спиной медленно загоняют деревянный, обитый кожей конус. Спинной хребет распятого выгибается дугой, грудная клетка выпячивается, дуги ребер изгибаются... От боли жилы на лбу надуваются, как канаты, и из груди вырывается хрип... Я не мог выдержать долее и, как в тумане, вышел на улицу!..

Сегодня я присутствовал на казни, совершенной над пятью хунхузами в поле за воротами китайского города. К назначенному часу толпы китайцев стекались к месту казни. Вскоре послышались звуки китайских труб. Печальный кортеж приближался. Впереди быстрым шагом, почти бегом, шли по два музыканта с длинными, около сажени, трубами. Заунывный, вибрирующий звук китайской музыки постепенно рос, торжественный и грозный, и вдруг сразу обрывался, чтобы сперва глухо, затем все громче и торжественнее нестись вновь. За музыкой знаменщики с громадными треугольными черными, испещренными письменами знаменами, далее пехотные войска с повязанными платками головами, в черных куртках с белыми кругами на груди, с ружьями на плечах. Еще далее в голове эскадрона регулярной китайской кавалерии на прекрасном белом коне офицер в красной мантии, ниспадающей по обеим сторонам коня. С руками, связанными за спинами, с деревянными колодками на ногах в китайской арбе под прикрытием эскадрона везли осужденных. В косы их вставлены были вертикально палки с бумажками, на которых китайскими буквами были прописаны их преступления. Кортеж быстро приближался. Подходя к месту будущей казни, колонна разомкнулась, и войска, обойдя лобное место справа и слева, окружили его кольцом. Палач, рослый, мускулистый средних лет китаец, быстро за косы стащил преступников с телеги и, поставив в ряд на коленях, на интервалах трех шагов, вынул палки с бумажками из кос и сунул каждому из преступников его косу в зубы, дабы при отсечении головы коса не препятствовала удару...

Во все время казни я стоял в трех шагах от казнимых, стараясь найти хоть какое-либо выражение страха на их лицах; но одна лишь полная, тупая, безграничная апатия — вот все, что я мог прочесть.

Взяв обеими руками широкий меч-тесак, палач подошел к осужденному, стоящему крайним справа. Раздался глухой удар, как будто ударили палкой по подушке, и голова казненного, судорожно кося глазами и дергая щекой, упала на траву. Тело,

простояв секунду на коленях, как будто бы застыв, грузно упало ничком, и из кровавого обрубка шеи, как из открытого крана, хлынула темная кровь... В ту же секунду раздался второй удар, затем третий, четвертый, пятый. Палач наносил удары на ходу, почти не останавливаясь, и менее чем через 30 секунд на траве корчились, страшно гримасничая, пять голов, и пять широких кровавых луж свидетельствовали о совершенном правосудии...

Вытерев меч о землю и вложив в ножны, палач снимал с казенных деревянные колодки, а назначенные солдаты уже рыли тут же у трупов пять могил...

III

Нам приказано послезавтра, 16 апреля, выступить в деревню Шахэ, в 20 верстах от Лаояна, где мы будем заниматься учебной стрельбой. Досадно сидеть здесь, когда с передовой линии доходят постоянно известия о стычках и набегах наших охотников. Продолжаю знакомиться с типичным китайским Лаояном; сегодня обедал в китайском кабачке и, несмотря на отвращение, внушаемое европейцу некоторыми китайскими блюдами, считающимися здесь деликатесами, как, например, тухлыми, вареными вкрутую яйцами, трепангами (морские черви) и т.п., заставил себя полностью съесть весь обед, в общем что-то около 20 блюд, подаваемых небольшими порциями в маленьких фарфоровых блюдцах. Тут были: суп из ласточкиных гнезд, напоминающий бульон из бычачьих хвостов, мелко нарезанная жареная утка и курица, очень вкусный шашлык из свинины с крепкой китайской соей, пельмени со свининой, студенистые трепанги, морская капуста, еще какие-то овощи, всевозможные засахаренные фрукты и т.д. Между блюдами подавали слабый, очень сладкий чай в микроскопических чашечках и подогретый «ханшин» — китайскую водку отвратительного запаха и вкуса. Для еды вместо вилок и ножей употребляются особые палочки, которыми китайцы удивительно ловко подхватывают пищу и запикивают ее в рот. Для нас, европейцев, это значительно труднее...

После обеда ездил осматривать чайную, где собираются курильщики опиума. При входе вас сразу охватывает сладкий, опьяняющий запах опиума. На «канах» (лежанках), идущих вдоль стен фанзы, помещаются курильщики; они лежат на тонких стеганых, обтянутых синим холстом тюфячках, облокотясь на круглые валики подушки, обтянутые той же материей. Около каждого находится маленькая спиртовая лампочка, на пламени которой курильщик нагревает густую, черную массу опиума, скатывает из нее шарик, который и помещает в толстый, в две четверти длиной, чубук. Курильщики затягиваются

сладким, густым опиумом, издавая какой-то клокочущий звук. Лица у большинства желтые, изможденные, взгляд имеет совершенно особенный, лихорадочный блеск. Толстый хозяин, стоя в углу фанзы у небольшого столика, апатично заготавливает чубуки для своих посетителей...

Ввиду того, что нашей дивизии предстоит, вероятно, действовать на левом фланге нашей армии, в гористой, труднопроходимой местности, отряду отдано приказание заменить колесный обоз вьючным. Генерал Ренненкампф, ставя на первый план увеличение подвижности своего кавалерийского отряда, строго требует сокращения обоза до минимума, разрешая офицерам брать лишь самые необходимые вещи, чему и сам подает пример, обходясь даже без походной кровати, вместо которой довольствуется буркой.

Все эти дни искал себе мула под вьюк; ввиду громадного спроса цены на мулов очень поднялись, и среднего роста мул стоит здесь, в Лаояне, 125–150 рублей. Как вьючное животное мул во многом превосходит лошадь; не говоря уже о его выносливости и неприхотливости, он в состоянии поднять значительно больший груз и благодаря грубой, плотной коже труднее набивается вьюком. Чудных мулов довелось мне видеть в здешнем госпитале Георгиевской общины. Госпиталь расположен в небольшой китайской деревне в 2 ½ верстах к северу от города. Фанзы выбелены, вычищены и прекрасно приспособлены под больных. Во дворе устроен небольшой цветник. Все чисто, гигиенично и даже уютно...

Во время моего посещения главный уполномоченный камергер Александровский был занят формированием и оборудованием летучих медицинских отрядов, долженствующих непосредственно следовать за воинскими частями и на самом поле сражения подавать помощь раненым. Нельзя не приветствовать от всей души этого прекрасного дела. Врачи и фельдшера, находящиеся при воинских частях, почти бессильны при значительном количестве раненых и несовершенстве медицинских средств, которыми снабжены части, оказать какую-либо существенную пользу, в особенности при тяжелых ранениях. К тому же нельзя не констатировать, что при настоящей постановке дела очень часто призываемые по мобилизации в воинские части врачи далеко не удовлетворяют самым скромным требованиям, будучи весьма часто почти не знакомы с хирургией. Так, у нас, например, старший врач — очень опытный и пользующийся в ученом мире прекрасным именем... акушер!!! Насколько мне известно, в прежние кампании врачи из запаса призывались лишь для замещения врачей военных госпиталей мирного времени, врачи же последних, как наиболее знакомые с военной ме-

дициной, командировались в действующую армию. Ныне же из запаса врачи поступают прямо в действующие воинские части, где неблагоприятные, крайне тяжелые условия походной жизни делают особенно ответственной и трудной первоначальную подачу помощи раненым.

Я получил приказание завтра с рассветом идти со взводом в качестве конвоя при капитане Генерального штаба К. в разъезд. Цель разъезда — исследование путей между большой этапной дорогой Лаоян — Фынхуанчен и дорогой Лаоян — Саймадзы. Продолжительность разъезда около 1¹/₂ недель.

IV

22 апреля поздно вечером после недельного скитания в горах, где мы за все время не встретили ни одного европейца, мы вышли на большую этапную дорогу Лаоян — Фынхуанчен и расположились на ночлег в деревне Цау-Хе-Гау, в лавке богатого китайского купца. Рекогносцировка наша была окончена, и составленная капитаном маршрутная съёмка сведена. Путей, проходимых не только для артиллерии, но и для кавалерии, на всем исследованном нами участке не оказалось, имелись лишь горные тропы, служащие путями сообщения жителям многочисленных бедных деревушек, разбросанных в горах. Мы проходили в день, находясь все время в ходу, не более 20 верст; иные дни шли почти исключительно пешком, ведя коней в поводу, но даже и при этих условиях двигаться подчас было крайне тяжело. Местами кони наши съезжали по горным каменистым тропам, буквально сидя на заду, а взбираясь на крутые, голые каменистые перевалы, приходилось останавливаться каждые десять шагов, чтобы перевести дыхание. Не обошлось и без несчастья: мой взводный, урядник Баженов, прекрасный, расторопный казак, сорвался с конем под кручу и страшно разбился. Не имея с собою фельдшера, мы с капитаном, как умели, перевязали его, и он, хотя и очень страдая, следовал с нами до большой этапной дороги, откуда я отправил его в сопровождении двух казаков в лаоянский госпиталь.

Первые дни наше движение страшно задерживала взятая капитаном из Лаояна тяжелая фудутунка, запряженная парой мулов. В этой фудутунке капитан поместил свой многочисленный багаж. Не говоря уже о массе всевозможных консервов, в том числе двенадцати банках с ананасами, нескольких ящиках с мармеладом и т.п., тут находились: большой саквож-несесер с массой всевозможных туалетных принадлежностей, банок одеколона, туалетной воды, вежеталя, белье, которого хватило бы на целый год похода, и т.д. С первого же дня двуколка эта принесла нам массу хлопот; приходилось спешивать людей для вта-

скивания ее на подъемах и торможении при спусках с перевалов. На мои доводы об обременительности подобного обоза капитан лишь ссылаясь на пример ближайшей турецкой кампании, когда даже тяжелые полевые орудия перетаскивались на руках через Балканский хребет... Наконец, убедившись в полной невозможности двигаться далее при подобном обозе, капитан согласился бросить свою арбу и, купив в одной из деревушек выючные китайские седла, поместил свой багаж на выюки.

Недостатка в фураже мы в продолжение разъезда не терпели. В многочисленных деревушках можно было легко достать чумизную солому и гаоляновое зерно, которое наши кони ели с удовольствием. Куры, утки и прочая птица здесь находились в изобилии, лишь с непривычки трудной было обходиться без хлеба — кроме сладких китайских печений на бобовом масле другой мучной пищи здесь не найти.

Местность здесь, как и вообще во всей Северной Маньчжурии, малокрасивая: скалистые, большею частью голые, лишь местами покрытые убогой растительностью горные хребты, с разбросанными по падам убогими, большею частью из двух-трех фанз, деревушками, с многочисленными, быстротекущими горными ручьями...

Несмотря на раннюю весну, поражала скудость животного мира — не было почти совершенно тех звуков пернатого царства, которыми так полон весенний воздух Европейской России. Лишь по долинам горных речек попадались более зажиточные деревушки, выглядевшие особенно весело благодаря многочисленным вишневым деревьям, в это время года покрытым чудным цветом...

Мы вошли в деревню Цау-Хе-Гау в полную темноту и, разбудив старого китайца, владельца лавки, кое-как устроились на ночлег. Не имея более недели никаких сведений из действующей армии и надеясь узнать хоть что-либо о движении наших частей по большой этапной дороге, я попробовал вступить в разговор с нашим «джангуйдой» (хозяином) на том особенном воляпюке, который неизменно служил нам при объяснениях с китайцами.

— Ходя! Лускуа джега дау ходи?¹ — начинаю я.

— Ибена Тюренчен пау-пау, лускуа ламайла, — Лаоян ходи², — таинственно сообщает «джангуйда».

— Все врет, мерзавец, — возмущаюсь я, — слышите, капитан, говорит, наши отходят...

Наскоро закусив холодной курицей и выпив чаю, ложимся спать. Ночью подымается ветер, начинается дождь, к утру усиливающийся, — плотнее стараюсь с головою укрыться буркой...

¹ Что, друг, русские этой дорогой идут?

² Японцы в Тюренчене стреляют; русские побиты, идут на Лаоян.

— Ваше высокоблагородие, вставайте, — будит меня вестовой. В фанзе холодно, сыро, дождь выбивает частую дробь по оклеенным бумагою окнам, слышен какой-то равномерный грохот, точно от многочисленных двуколок или телег, идущих по дороге.

— Наших, сказывают, японцы побили, — сообщает вестовой, — на Лаоян отступают, вон, слышите, артиллерия идет; раненых по дороге тоже много идет...

Как ошпаренный вскакиваю с кана и бросаюсь на двор, где капитан, стоя без фуражки у ворот, разговаривает со стрелковым офицером в бурке и мохнатой мокрой папахе на небольшом белом «манзюке».

— Неужели и орудия бросили?!

— Пришлось оставить; слишком уж неравные силы были, да и потери громадны.

— А как велики наши потери?

— В одном 11-м полку около 900 нижних чинов выбыло из строя; некоторые роты без офицеров остались...

Боже! Что же это? Неужели поражение? Неужели слышанное мною правда? Оставлены орудия, оставлены раненые и убитые на поле сражения... Маленький, еще вчера казавшийся таким ничтожным, япошка перешел Ялу, отбросил нас на север, захватил наши орудия, наших раненых, оставшихся на поле битвы...

Да, это так! Об этом свидетельствуют эти подбитые, искалеченные орудия, эти редкие, наполовину осиротевшие роты, эти бледные, с перевязанными головами, подвязанными руками, в мокрых серых шинелях люди, что поодиночке или кучками по два-три человека под дождем, по липкой грязи этапной дороги отходят на север... Сердце больно сжимается, слезы навертываются на глаза, не хочется верить ужасной истине...

Молча, не обменявшись с капитаном ни словом, вошли мы в фанзу. Угрюмо и как-то поспешно, точно желая скорее уйти от ужасной действительности, казаки седлали коней.

Молча, без чая, тронулись мы в путь на север по направлению к ближайшему этапу Ланшангуань. Под мелким, сеявшим, как сквозь сито, дождем по обочинам дороги, вытянувшись справа по одному, шел наш разъезд. Мы обгоняли зарядные ящики, обозы, длинные вереницы казенных двуколок с ранеными. Угрюмые, землистого цвета лица, забинтованные розовой марлей головы виднеются из-под серых мокрых шинелей... По обе стороны дороги бредут по липкой, глинистой грязи еще раненые. Многие в изнеможении ложатся прямо в грязь у самой дороги или, припав к земле, пьют из лужи грязную, желтую воду... Я спешиваю мой разъезд и сажаю на коней наиболее приставших. Но уже несколько

шагов далее опять попадают выбившиеся из сил, изможденные люди, лихорадочным, полным отчаяния взглядом молящие о помощи, без перевязки, без пищи двое суток бредущие по липкой грязи... Я отворачиваюсь, будучи не в силах им помочь.

При нашем приближении к этапу Ланшангуань дождь прекратился, солнце неожиданно выглянуло из-за туч. На этапе столпотворение вавилонское: масса офицеров Генерального штаба, артиллеристов, стрелков, в шинелях, бурках, шведских порыжелых куртках — все это громко разговаривает, шумит и закусывает в ресторанчике, устроенном тут же в дощатом бараке камим-то греком.

На косогоре, где раскинулись палатки Красного Креста, неутомимо работают врачи и сестры, перевязывая все прибывающих с юга раненых. Многие молча, прислонившись к глинобитному забору или сидя и лежа на траве, ждут своей очереди. А вот слышно грустное, заунывное пение, и по мостику, перекинутому через протекающий тут же ручей, туда, где на косогоре виднеются несколько белых крестов, группа солдатиков на носилках под серой солдатской шинелью несет одного из тех, который в числе многих раненых за сто верст прибрел сюда, чтобы здесь, вдали от родины, найти покой...

Масса двуколок, арб, запряженных мулами, верховых лошадей под всевозможными седлами столпилась на дороге.

Кучки солдат разных родов оружия, расположившись у ручья, варят чай в медных походных котелках.

В группах офицеров разговоры исключительно о тюренченском деле.

— Все были герои, от командира полка до последнего солдата, — рассказывает полный капитан с растрепанной русой бородой, в папахе и солдатской шинели, — мы держались до последней крайности, несмотря на то что неприятеля было в десять раз больше. Японцы наступали колоннами, потери их были громадны, песчаный берег чернел от неприятельских трупов... У нас потери ужасны, некоторые батальоны потеряли две трети состава...

— Генерал Ренненкамф 21-го выступил на юг с Забайкальской дивизией... — рассказывает в другой группе молодой казачий сотник.

Я подхожу, представляюсь и спрашиваю, не может ли он сообщить мне, где ныне находится отряд генерала.

— Я обогнал колонну верстах в двенадцати отсюда к северу, генерал скоро должен быть здесь...

Действительно, через полчаса генерал Ренненкамф со штабом, опередив свою колонну, прибыл в Ланшангуань, и я,

распрощавшись с капитаном К., который направлялся в Лаоян, в штаб армии, присоединился к своей сотне.

Летучему отряду генерала Ренненкампа приказано, ведя разведку на крайнем левом фланге нашей армии, в обширном гористом районе бассейнов рек Айхэ и Бадаахэ, одновременно оттягивать, по возможности, силы противника, способствуя тем самым сосредоточению наших сил на большой дороге Лаоян — Фынхуанчен, где имеются прекрасные позиции. Базой наших действий избран небольшой городок Саймадзы, расположенный на узле двух важных дорог, ведущих на города Кинденсянь и Фынхуанчен. Мы прибыли сегодня, 25 апреля, в Саймадзы и отныне ежедневно можем ожидать дела.

V

Недолго пришлось нам ждать дела. На следующий же день нашего прихода в Саймадзы генерал Ренненкампа решил произвести поиск в сторону города Кинденсянь, расположенного в 60 верстах к юго-востоку от Саймадзы и откуда японцы 22 апреля вытеснили казаков 1-го Аргунского казачьего полка, причем один убитый казак был оставлен в городе. В 9 часов утра две казачьи сотни и конно-охотничья команда под общим начальством есаула князя Карагеоргиевича были направлены по дороге на город Кинденсянь. В деревне Аянмянь, на полдороге, к нам должна была присоединиться еще одна сотня 1-го Аргунского казачьего полка, стоявшая там на передовой заставе. Отряд князя Карагеоргиевича должен был занять скалистый перевал Шау-Го в 20 верстах к северу от Кинденсяня, а в последний город бросить развед с целью проверить сведения о присутствии там неприятеля и, буде город занят, выяснить силы противника.

Мы выступили в знойную, безветренную погоду. Дорога шла большею частью скалистыми, узкими ущельями, сдавленными с обеих сторон отвесными, лишенными почти совершенно древесной растительности хребтами. То и дело путь наш пересекался горными ручьями и речками с каменистым, покрытым галькою ложем. Бедные, в две-три фанзы, деревушки ютились в многочисленных «падах» и «отладках» гор. Лохматые сонные собаки и грязные, черные, с отвислым брюхом «чушки» бродили по улицам деревни. Китайцы, бронзовые, почти голые «ходя», высыпали на дорогу при нашем приближении, протягивая казакам в деревянных корчагах студеную воду из глубоких, выложенных камнем колодцев. Они, видимо, всячески старались задобрить нас, дрожа за свое незатейливое имущество. Бедный, несчастный народ! Завтра с тем же подбострастием он будет встречать жел-